

18+

Проспер де Барант

**История
герцогов
Бургундских
из дома
Валуа —
1364–1477**

Том 7

Проспер Барант

**История герцогов Бургундских
из дома Валуа — 1364–1477. Том 7**

«Издательские решения»

Барант П. д.

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364–1477. Том 7
/ П. д. Барант — «Издательские решения»,

Фундаментальный труд Проспера де Баранта, пэра Франции и блестящего рассказчика, посвящён бурной эпохе герцога Филиппа Доброго. Опираясь на подлинные хроники, автор создаёт живую панораму XV века: от кровавых набегов «живодёров» и дипломатических интриг до пышных рыцарских турниров. Здесь история оживает, балансируя между анархией феодальных войн, централизаторскими реформами и трагическим разгромом восставшего Гента.

© Барант П. д.

© Издательские решения

Содержание

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477	6
Предисловие	7
Аристократ и государственный муж	8
Историк-романтик: метод и кредо	9
«История герцогов Бургундских» и её значение	10
Книга шестая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	36

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477 Том 7

Проспер де Барант

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Проспер де Барант, 2026

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-0205-6 (т. 7)

ISBN 978-5-0069-9593-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**История герцогов Бургундских
из дома Валуа — 1364—1477
Том седьмой. — Филипп Добрый**

Предисловие

Перед читателем — седьмой том монументального труда Проспера де Баранта «История герцогов Бургундских из дома Валуа», охватывающий события 1437—1453 годов. Этот период в истории Франции и Бургундии представляет собой причудливое сплетение парадоксов: застарелые феодальные смуты здесь соседствуют с первыми ростками государственного порядка, а утонченная рыцарская куртуазия — с варварской жестокостью войны, не щадящей ни женщин, ни детей. Барант, пэр Франции и историк-романтик, создает не просто хронику, но живописное полотно, где судьбы королевств решаются на фоне турниров, заговоров и крестьянских восстаний.

Проспер де Барант (1782—1866) — фигура в своём роде уникальная для французской культуры XIX века. В его личности сошлись государственный деятель высокого ранга, проницательный дипломат и один из главных представителей повествовательной (романтической) школы в историографии. При всём своём влиянии на современников, он остался в тени более ярких фигур, таких как Гизо или Тьерри, однако его главный труд — «История герцогов Бургундских» — стал классикой, которая и по сей день сохраняет ценность как образец живого, драматического изложения истории.

Аристократ и государственный муж

Амабль Гийом Проспер Брюжьер, барон де Барант, родился в Риоме, в Оверни, в семье, принадлежавшей к высшему провинциальному дворянству. Его отец, Клод-Игнас де Барант, был известным юристом и литератором, что предопределило интеллектуальную атмосферу, в которой воспитывался будущий историк. Юный Барант получил блестящее образование в Париже, поступив в Политехническую школу, что для дворянина того времени было выбором не самым типичным и свидетельствовало о его живом интересе к точным и рациональным знаниям.

Однако его истинным призванием стала государственная служба. Он начал её при Наполеоне I в качестве аудитора Государственного совета, затем занимал посты супрефекта и префекта. В эпоху Реставрации и Июльской монархии его карьера достигла пика: он стал пэром Франции, послом в Турине и, что особенно важно для его будущих трудов, послом в Санкт-Петербурге (1835—1841) при дворе императора Николая I. Этот дипломатический опыт дал ему не только глубокое понимание европейской политики, но и ту широту взгляда, которая позволила ему писать историю Бургундии не как локального явления, а как части большой европейской драмы.

Историк-романтик: метод и кредо

В историографию Барант вошёл как глава так называемой «живописной» или «повествовательной» школы. Этот подход сформировался как реакция на два господствовавших в его время направления: сухой, эрудитский метод антикваров, тонувших в мелочах, и философско-публицистический метод просветителей, для которых история была лишь ареной для демонстрации их идей.

Барант предложил третий путь. Его творческое кредо, вдохновлённое историческими романами Вальтера Скотта, заключалось в том, чтобы дать хроникам говорить самим за себя. Он считал, что задача историка — не придумывать речи за своих героев и не вписывать события в жёсткие идеологические схемы, а, вжившись в эпоху, пересказать её языком, максимально близким к языку источников. Он стремился воскресить прошлое в его живой непосредственности, с красками, страстями и деталями, превращая историческое исследование в увлекательное и драматическое повествование.

Этот метод был им блестяще реализован в «Истории герцогов Бургундских из дома Валуа», публиковавшейся с 1824 по 1826 год. По его собственным словам, он хотел написать не «диссертацию», а «рассказ», в котором факты, почерпнутые из подлинных хроник и архивов, были бы выстроены в связную, романную по своей увлекательности картину, но без малейшего нарушения исторической правды.

«История герцогов Бургундских» и её значение

Этот многотомный труд принёс Баранту европейскую славу и был удостоен избрания во Французскую академию в 1828 году. Его успех объясняется несколькими причинами:

1. Мастерство рассказчика. Барант действительно заставил средневековые хроники зазвучать. Его описания битв, турниров, городских восстаний и дипломатических интриг полны драматизма и психологической убедительности. Читатель видит не просто перечень дат и имён, а живых людей с их доблестями и пороками.

2. Опора на первоисточники. Несмотря на «романность» формы, содержание книги строго документально. Барант опирался на обширный корпус бургундских и французских хроник (Монстреле, Шателен, Оливье де Ла Марш и др.), многие из которых он цитирует почти дословно, сохраняя даже нумерацию примечаний в квадратных скобках, что мы и видим в представленном фрагменте.

3. Политическая актуальность. Для французов эпохи Реставрации история Бургундского государства была не просто далёким прошлым. Она служила историческим аргументом в спорах о централизации и регионализме, о правах короны и вольностях провинций. Барант, будучи либералом и одновременно аристократом, создал труд, который импонировал разным политическим лагерям: романтиков увлекала рыцарственная эстетика, либералов — борьба городов за свободы, а консерваторов — уроки о пагубности феодальной анархии.

Позднее, в 1840-х годах, он продолжил свои исторические занятия и опубликовал ещё один значительный труд — «Историю Национального конвента», но именно «Герцоги Бургундские» остались его *opus magnum*.

Проспер де Барант прожил долгую жизнь, скончавшись в возрасте 84 лет, до конца сохраняя ясный ум и интерес к общественным делам. Он оставил после себя не только фундаментальные исторические труды, но и обширное литературное наследие, включая переводы Шиллера и критические эссе. В истории он занял место основателя важного направления во французской историографии, доказав, что строгая научность не противоречит увлекательности изложения, а «сухой остаток» документа может быть превращён в захватывающий рассказ, который будет волновать читателей и спустя столетия.

Характер изложения и метод автора

Труд Баранта принадлежит к той переходной эпохе в историографии, когда «анналистическая» сухость старых *chronicles* уступает место связному, драматизированному повествованию. Автор не стремится к абстрактному анализу социально-экономических причин, оставаясь в рамках событийной истории, почерпнутой из таких источников, как хроники Монстреле, Матье де Куси, Оливье де Ла Марша и архивные документы. Его метод — это **метод рассказчика**: он не столько интерпретирует, сколько разворачивает перед читателем череду эпизодов, позволяя им говорить самим за себя.

Структура тома выстроена вокруг нескольких тематических и сюжетных узлов, последовательно сменяющих друг друга, но объединенных личностью герцога Бургундского Филиппа Доброго как центральной фигурой. Повествование движется от попыток обуздать хаос (война с «живодёрами», мятежная «Прагерия») к демонстрации торжества закона (ордонансовые реформы Карла VII), а затем — к апофеозу рыцарского духа и трагедии гражданской войны во Фландрии.

Сюжетная архитектура книги: от хаоса к порядку

Первая часть тома погружает читателя в мир, раздираемый анархией. Барант подробно, подчас с шокирующим натурализмом, описывает ужасы, творимые шайками «экоршёров» (*écorceurs*), эпидемии и голод, доводящие людей до каннибализма. На этом мрачном фоне разворачивается **драма власти**: бесплодное посредничество герцогини Бургундской

между Англией и Францией, заговоры принцев (Прагерия) и упорная борьба коннетабля де Ришмона за восстановление дисциплины.

Ключевым моментом становится **ордонанс 1439 года** — своего рода «конституция» для армии, запрещающая частные наборы и грабежи. Барант излагает этот документ почти целиком, что выдает его намерение показать рождение регулярной армии как поворотную точку в истории Франции. Это не просто указ, а «приговор» феодальной вольнице: отныне только король имеет право на войско и сбор налогов.

На контрасте с централизаторскими усилиями Карла VII показана политика Филиппа Доброго. Его оружие — брачная дипломатия, пышность двора и **феномен рыцарства**. Освобождение герцога Орлеанского, рыцарские турниры с вычурными девизами («Дама Слез», «Прекрасная пилигримка») — это не просто «празднества», а инструменты политического влияния, скрепляющие союз Бургундии и Орлеанского дома против короля.

Наконец, финал книги — это **эпическая трагедия Гента**. Барант мастерски описывает нарастание бунта богатых фламандских городов, упорно отстаивающих свои вольности против налогового гнета, и их сокрушительный разгром в битве при Гавере (1453). Здесь стиль автора достигает наивысшего драматизма: он чередует сцены дипломатических интриг с батальными полотнами и трогательными моментами (отчаяние женщин, ищущих тела близких среди тысяч павших), подводя читателя к двойственному финалу — милосердию герцога, которое оказывается горше наказания.

Отличительные черты

Документальность. Текст насыщен подлинными письмами, вызовами на поединки, статьями договоров (вроде переписки гентцев с королем), что придает повествованию фактологическую плотность.

Живописность. Автор щедр на детали: одежды императора на встрече в Безансоне, устройство «пас д'арм» у «Дерева Карла Великого», подробности казней и турнирных схваток — всё это создает эффект присутствия.

Моральная амбивалентность. Барант не скрывает симпатий к «доброму герцогу» Филиппу, но при этом не затушевывает жестокости эпохи, фиксируя и повешенных пленных, и коварство осад, и социальную пропасть между «вилланами» и «благородными». Это придает его труду не только историческую, но и литературную убедительность.

Таким образом, перед нами не просто летопись, а панорамный исторический роман в строгих рамках факта — памятник французской исторической мысли XIX века, до сих пор сохраняющий ценность как для академического изучения, так и для вдумчивого чтения.

Книга шестая

Продолжение беспорядков. — Штаты в Орлеане. — Прагерия. — Осада Понтуаза. — Собрание принцев в Невере. — Завоевание герцогства Люксембургского.

Король оставался в Париже только три недели; с первых дней декабря 1437 года он возвратился в Орлеан, в Тур, в Бурж и в земли по Луаре. Его присутствие, столь обрадовавшее парижан, не принесло их бедам никакого облегчения. Опустошения живодёров, голод, нищета, отсутствие торговли и работы ощущались не менее жестоко. Не один Париж страдал от этих бедствий; всё королевство и Фландрия были в начале этого года разорены самым ужасным голодом, какой когда-либо видели; он ещё усилил беспорядки, грабежи, жестокости. В Аббевиле была сожжена женщина за то, что перерезала горло маленьким детям и выставила их мясо на продажу, засолив его [1].

К стольким несчастьям присоединилась страшная эпидемия, погубившая огромное множество людей. Во многих городах не успевали хоронить мёртвых; в Париже умерло около пятидесяти тысяч жителей; целые улицы опустели, волки без всякого страха приходили среди бела дня в самый город; иногда они пожирали там детей и женщин [2]. Счётная палата пообещала по двадцать су за волчью голову.

Посреди столь ужасного положения набег банд не могли не усилиться. В королевстве не было больше ни порядка, ни повиновения. Во время эпидемии коннетабль, спасаясь от заразы, хотел поселиться в Венсене или в Боте [3]. Люди, занимавшие эти замки, отказали ему во входе от имени герцога Бурбонского, и он был вынужден силой приказать открыть их для себя.

Незадолго до этого он изгнал из Компьенья Гийома де Флави, самого жестокого, самого алчного из всех капитанов банд, ставшего грозой страны своими грабежами, бесчинствами и преступлениями; он даже заставил его заплатить выкуп в четыре тысячи экю [4]. Вскоре после этого Флави нашёл способ врасплох проникнуть обратно в город и укрепиться в нём. Узнав, что маршал де Рьё, направляясь из Дьеппа в Париж, проезжает неподалёку с малым числом людей, он велел схватить его некоему Роберу Лермиту и бросил его в каземат. Он говорил, что маршал присутствовал, когда коннетабль выдворил его из Компьенья, что он хочет отомстить ему и таким способом добиться переговоров с коннетаблем и вернуть свои четыре тысячи экю. Коннетаблю так и не удалось добиться правосудия, и сир де Рьё умер в тюрьме. Удалось только схватить Робера Лермита, который был обезглавлен.

Такова была слабая власть коннетабля; и всё же именно он в тот момент обладал наивысшей властью в королевстве. Несмотря на его желание навести порядок, он испытывал тысячу разочарований. Король гораздо больше слушал советы Кристофа д'Аркура, епископа Клермонского и сира де Шомона, нежели советы коннетабля [5]. Как только он применял строгость к какому-нибудь капитану живодёров, на него начинали жаловаться. То шотландцы, то гасконцы, то кто-нибудь из принцев или крупных сеньоров вступались за тех, кого наказывали. В то же время парижане и народ, которые сначала очень любили его и возлагали на него надежды, видя, что ничего не меняется, что их страдания не уменьшаются, стали недоверчивы и враждебны. Говорили, что он думает лишь о том, как нажить деньги, что он изображает доброго слугу, чтобы получать налоги или займы, а потом несколько не заботится ни о короле, ни о народе. Уверяли, что англичане его не боятся и часто даже узнают от него о предприятиях, замышляемых против них. Его упрекали в том, что он позволяет богачам скупать зерно в амбарах и продавать его задорого бедным людям; полагали, что это могло делаться лишь ради извлечения какой-то выгоды. Словом, коннетабль, по словам всего этого несчастного и недовольного народа, был человеком дурным и исполненным трусости [6]. В то же время люди войны говорили только о его жестокой строгости, рассказывали, что как только он встречал какого-

нибудь солдата без разрешения на службу, он тотчас же приказывал его повесить или утопить, и прозвали его Правосудом.

Банды продолжали распространяться по Шампани, Иль-де-Франс, Пикардии. Обнаружив, что сеньории графа де Линьи хорошо укреплены, главари почти все договорились с ним, и было взаимно обещано не нападать друг на друга. Оттуда живодёры продвинулись до Эно; сир де Круа созвал дворян и ополченцев из общин для защиты края. Банды сначала напали на один отряд ополчения; несмотря на живое сопротивление, они разбили его наголову и увели много пленных. Герцог Бургундский немедленно послал подмогу своему краю Эно; банды, опасаясь его могущества, отступили и даже вернули без выкупа пленных, которых они взяли. Они возвратились в Шампань, а вскоре затем в Лотарингию, где граф де Водемон и герцог де Бар снова начали воевать друг с другом. Каждый из них брал в помощники главарей живодёров, таких как Фортепис, Антуан де Шабан, Флоке, Жоффруа де Сен-Белен и других, которые служили попеременно то одному, то другому, в зависимости от лучших возможностей для грабежа.

Родриго де Вильяндрандо возвратился на юг. Бастард Бурбонский опустошал пограничье Бургундии. Что до Ла Гира, то он довольно постоянно держался в Бове и окрестностях и вёл войну против графа де Линьи, несмотря на приказы короля, давшего этому сеньору отсрочку для признания Аррасского мира. Временами он совершал также набеги на земли герцога Бургундского, который, однако, по-прежнему благоволил к нему и в ту пору оказал ему важную услугу [7].

Сир д'Оффемон затаил злобу на Ла Гира за то, что тот некогда вероломно взял его в плен и потребовал выкуп. Он приказал подстеречь его, и однажды ему удалось ввести сто двадцать человек в город Бове. Ла Гир играл тогда в мяч во дворе одной гостиницы. Дом был окружён; он спрятался под кормушкой в конюшне; но вскоре его обнаружили. Его посадили на круп лошади позади всадника, пригрозив убить, если он позовёт на помощь; так его отвезли в тюрьму к сеньору де Мони, а оттуда в замок Анкр. Король, который очень любил Ла Гира, предписал сиру д'Оффемону освободить его; но того поддерживали почти все крупные сеньоры, его родичи или союзники. Ибо это был могущественный дворянин из старинного дома Клермонов; поэтому он и не подумал повиноваться. Король решил, что у герцога Бургундского власти больше, и написал ему, настоятельно прося уладить это дело. Сир д'Оффемон согласился, хотя и с великим трудом, положиться на суд Герцога. Обе стороны предстали перед ним в Дуэ; он распорядился вернуть сиру д'Оффемону его замок Клермон, который Ла Гир продолжал удерживать, определил выкуп, который тот должен был заплатить; и Ла Гир, вновь став свободным, возобновил свои набеги.

После того как Герцог, усмирив жителей Брюгге, на некоторое, по крайней мере, время успокоил мятежи во Фландрии, он вновь обратился к своим замыслам против Кале. Его убедили, что, разрушив плотины, можно затопить город и вынудить англичан покинуть его. Было собрано множество землекопов и работников, и они трудились под защитой примерно пяти тысяч воинов, которыми командовали граф д'Этам и сир де Круа. Все эти усилия и расходы оказались напрасны, и лишь слишком поздно заметили, что дело это неосуществимое. Единственный урон, который англичане понесли от этого предприятия, заключался в том, что поля вокруг Кале и Гина были опустошены бургундцами.

Война так и продолжалась без всякой выгоды ни для одной из сторон; Англия, как и Франция, как и Фландрия, была истощена деньгами, страдала от голода и болезней. Раздоры по-прежнему царили в советах короля: кардинал Винчестерский больше склонялся к миру; герцог Глостерский, напротив, ни за что не хотел слышать о переговорах. Но в тот момент кардинал был в большей милости. Посему было решено прислушаться к настояниям, которые папа неустанно возобновлял, чтобы наконец остановить пролитие христианской крови. Герцог Бретонский предложил своё посредничество. Герцог Орлеанский тоже просил о посредничестве. Совет дал на это согласие, и в январе 1439 года [8] в Гравелине состоялись предвари-

тельные переговоры между кардиналом Винчестерским и послами короля Франции. Герцогиня Бургундская прибыла туда с несколькими мудрыми советниками из духовенства и мирян; то ли Герцог не желал вести переговоры с англичанами лично, то ли он опасался возбудить недоверие короля Карла. В самом деле, он только что ещё укрепил свои связи с Францией. Во время Аррасского договора было условлено, что мадам Екатерина, дочь короля, выйдет замуж за графа де Шароле. Этот брак был окончательно заключён и подписан в сентябре 1438 года в Блуа сиром де Кревкёром, послом Герцога.

Переговоры в Гравелине ни к чему не привели; однако было решено, что вскоре после этого будут проведены новые, более торжественные совещания либо в Шербуре, либо в Кале, куда герцог Орлеанский прибудет в качестве посредника. Заговорили о перемирии, но оказалось невозможно договориться даже и об этом.

Бедствия, разорявшие государства короля Франции и герцога Бургундского, продолжались, следовательно, как и прежде. Истошив Лотарингию, вмешиваясь в войны, которые вели между собой герцог де Бар и граф де Водемон, дамуазо де Коммерси и сир Эверар де ла Марк; отбросив коннетабля, пришедшего на помощь этому последнему сеньору, банды соединились в количестве примерно шести тысяч всадников и под предводительством Ла Гира, Брюссака, Антуана де Шабана и других отправились совершать набеги в Германию.

Многие сеньоры и дворяне той страны [9], видя, что происходит рядом с ними, тоже принялись рыскать по округе, грабя и жестоко обращаясь с крестьянами и горожанами. Они говорили, что это верный способ держать этих общинников в их сословии, из которого они заносчиво пытались выйти, когда становились слишком богаты. Но так как они не были ни столь многочисленны, ни столь закалены в боях, как живодёры из Франции, они были разбиты горожанами Базеля. Тогда-то старый граф Вильгельм фон Дист, епископ Страсбургский, давно враждовавший с общинами Эльзаса и бывший главным советником этого дворянства, и придумал послать за арманьяками, как их всё ещё называли в этих краях. Вряд ли нужно было давать им повод для разорения новой страны; однако этот епископ убедил их, что они исполняют долг христиан, приняв сторону папы против отцов собора.

Раздор вспыхнул между ними с новой силой и ещё живее, чем когда-либо. Папа отрицал власть собора и держал свой собор во Флоренции, где старался воссоединить греков с Церковью. Отцы, собравшиеся в Базеле, считали ересью всякое сопротивление верховной власти вселенского собора и вели процесс против папы. Каждая сторона поносила другую, к великому соблазну христианского мира. Из всех государей Европы один только герцог Бургундский всецело держал сторону папы и имел послов на соборе во Флоренции. Король Франции, окруживший себя просвещёнейшими мужами своего духовенства, собравшегося в Бурже, напротив, скорее одобрял учение собора о власти пап. Он даже издал в это время знаменитый указ, названный Прагматической санкцией, в котором, возобновляя постановления святого короля Людовика IX, всякая власть назначения на епископства и архиепископства отнималась у пап и возвращалась выборности капитулов. Юрисдикция папы была также ограничена. Никто не должен был принуждаться к суду при римской курии, а апелляции должны были разбираться во Франции епископом *in partibus*, уполномоченным папой. Верховная власть вселенских соборов признавалась полностью; число кардиналов ограничивалось двадцатью четырьмя, а отлучения и интердикты могли налагаться только после разбирательства, проведённого ординарными пастырями.

Но если совет Франции и выказывал благосклонность декретам собора касательно церковной дисциплины, он отнюдь не становился на сторону против папы и не одобрял жестоких мер, применявшихся обеими сторонами. Итак, что бы они там ни говорили, без всякого приказа или дозволения короля главари банд вступились за дело Святого Отца. Аннсен фон Винкенген, сеньор лотарингских рубежей, в сговоре с епископом Вильгельмом фон Дистом, дал им проход и показал дороги через горы. Ещё один отряд рутьеров, напавший на Бресс и только

что отброшенный герцогом Савойским с помощью бернцев, присоединился к остальным. Они внезапно явились перед Саверном. Сир Луи де Лихтенберг едва успел собрать немного местных жителей; те не оказали никакого сопротивления; ужас, наводимый арманьяками, лишил всех мужества. Чтобы усилить страх, связанный с их именем, они наполовину сожгли одного несчастного крестьянина и в таком виде отослали его к своим. Они обратили в бегство отряд страсбургских горожан, попытавшихся сделать вылазку. Затем они рассеялись повсюду, творя свои обычные ужасы; они казались ещё более поразительно жестокими народам, имевшим счастье жить в мире. Затем арманьяки перешли Рейн; некоторые продвинулись до самого Франкфурта.

Что до их предприятия против Базеля и собора, то оно провалилось. Жители Базеля призвали на помощь доблестные общины Швейцарии; между ними уже начинались большие раздоры, но на этот раз они объединились против арманьяков. Мало-помалу отчаяние закалило крестьян; они выходили из крепостей, где укрывались, и нападали на этих живодёров, как только видели их малыми отрядами. Так погибло многих. Ещё более жестокое поражение они потерпели, когда возвращались в королевство через верхнюю Бургундию [10]. Жан де Вержи, губернатор герцогства, собрал дворян в Шалон-на-Соне и пустился преследовать этих злых людей; множество их было убито. Тех, кого брали в плен, тотчас отдавали палачу или же бросали в реку. Ду и Сона были полны их трупов, которые прибывало к берегам, распространяя повсюду заразу. Остатки этих банд ушли через Нивернэ и Овернь на юг, чтобы присоединиться к тем, кто беспрестанно облагал выкупом провинцию Лангедок.

Сир де Вильяндрандо, за большие деньги, в конце концов согласился последовать со своим отрядом за Сентрайлем на войну, которую тот вёл против англичан в Гиени. Они действовали там доблестно, отбросили врагов до самого Бордо и даже овладели Сен-Севреном, прилегающим к этому городу. Король тогда помиловал сеньора Родриго в награду за эту добрую службу. Но поскольку подкреплений в ту сторону не послали, англичане вскоре вновь отобрали потерянное.

Фландрия была немногим счастливее и спокойнее Франции. Жители Брюсселя, Лувена и Мехелена снова начали воевать друг с другом из-за хлебной торговли, которую голод делал как никогда важной. Голландцы и зеландцы промышляли в море пиратством, захватывали иностранные суда, разоряли всю торговлю и нередко даже высаживались на побережье Фландрии для грабежа. Их адмирал, сир де ла Вер из дома Борселе, сам командовал этими экспедициями. Одновременно он вёл жестокую войну с городами Гамбургом, Любеком, Бременом и Висмаром; именно торговое соперничество на море разожгло эту ненависть голландцев к остерлингам, как тогда называли народы западных окраинных областей в Германии. Тщетно герцог Филипп прилагал усилия примирить их [11]; обе стороны были слишком горды и завистливы. Прошло более трёх лет, прежде чем торговля смогла возобновиться с этой частью Германии.

Прежде чем открылись новые переговоры в Гравелине, король Франции отправил к герцогу Бургундскому мадам Екатерину, графиню де Шароле. Ей было тогда десять лет; её свита была блистательна; её сопровождали архиепископы Реймский и Нарбоннский, графы Вандомский и Тоннеррский, сир де Божё, сын герцога Бурбонского, бастард Орлеанский и многолюдный кортеж рыцарей и оруженосцев. В Камбре ей был оказан благородный приём: графы Неверский и Этампский, канцлер Бургундский и множество сеньоров выехали ей навстречу. Графиня Намюрская, дама де Кревкёр, дама де Отбурден и многие другие знатные дамы составляли её общество. Подобные почести воздавались ей во всех городах бургундских владений, и в этой пышности она прибыла в Сент-Омер, где тогда находился Герцог. Там было отпраздновано бракосочетание. Среди празднеств был устроен великолепный турнир, на котором сир де Креки был зачинщиком.

Тотчас же после этого Герцогиня отправилась в Гравелин; епископ Камбре, сир де Кревкёр и сир де Сот были её главными советниками. Король Франции посылал на переговоры сеньоров, сопровождавших мадам Екатерину. Кардинал Винчестерский, герцог Норфолкский, граф Эссекский были послами англичан. Базельский собор прислал епископа Виченцкого. Присутствовали также послы графа д'Арманьяка как суверенного государя.

Герцогиня выказала по этому случаю великую пышность. Её шатры были разбиты недалеко от Кале. Переговоры велись у самого этого города; ибо англичане не желали, чтобы герцог Орлеанский, их пленник, покидал земли их владений. Этот принц прежде всего имел счастье снова увидеть своего брата, бастарда Орлеанского, который стяжал столько славы, защищая королевство, и который уже давно ни о чём так не помышлял, как об освобождении своего благородного брата. В знак своей дружбы и признательности он подарил ему своё графство Дюнуа, чьё имя бастард Орлеанский отныне носил и прославил.

Герцогиня Бургундская выказала герцогу Орлеанскому самую милостивую учтивость; сначала она имела с ним особую беседу, потом они вместе обедали в шатре кардинала Английского. Прощаясь с ним, она сказала ему в присутствии главных послов: «Разве вы не желаете страстно мира, кузен мой? — Я отдал бы жизнь, чтобы добыть его, — ответил он. — Ну что ж, — сказала она, — раз мы так согласны, мы доведём это до конца».

Однако она потерпела неудачу. Несмотря на всю её добрую волю и старания умиротворить обе стороны, они были не ближе к согласию, чем во время Аррасского договора. Французы соглашались уступить лишь Нормандию и Гиень, и требовали, чтобы король Генрих отрёкся от титула короля Франции. Англичане же, напротив, притязали на всю Францию вплоть до Луары, и сверх того, на Гиень и Пуату. Невозможно было заключить даже перемирие, потому что каждая сторона предварительно требовала передачи различных крепостей.

Пока послы препирались без надежды договориться, стало известно, что коннетабль только что взял город Мо. Он уже давно просил короля дать ему средства осадить эту крепость, чей гарнизон опустошал всю Бри, перекрывал судоходство по Марне и взвинчивал цены на продовольствие в Париже. Но он не получал никакого удовлетворительного ответа [12]; никто ему не повиновался, каждый находил у короля защиту от него. Печаль овладела им; он решил оставить всё управление Францией и удалиться в свои сеньории; он даже объявил о своём замысле совету, который заседал с ним в Париже.

На другой день, когда он в одиночестве молился в часовне своего особняка, его навестил приор картезианцев: «Отец мой, что вам угодно? — сказал ему коннетабль. — Я хотел бы поговорить с монсеньором коннетаблем, — ответил добрый отец. — Это я. — Ах! — сказал приор, — я не знал вас, но мне весьма нужно с вами поговорить. — Охотно, — продолжил принц. — Монсеньор, вчера вы держали совет и приняли решение оставить управление. — Откуда вы это знаете? — живо спросил коннетабль, — кто вам это сказал? — Монсеньор, это никто из вашего совета, не беспокойтесь; но я узнал это от человека весьма достойного доверия, от одного из наших братьев. Ах! умоляю вас, монсеньор, не делайте этого; не тревожьтесь, Бог поможет вам. — Увы! отец мой, как это возможно! — воскликнул коннетабль; — король вовсе не хочет мне помогать, он не даёт мне ни людей, ни денег; воины меня ненавидят, потому что я их караю, и не желают мне повиноваться. — Монсеньор, они сделают то, что вы захотите; вы желаете осадить Мо, король прикажет вам сделать это и пришлёт людей и деньги. — Отец мой, Мо очень сильно укреплён, король Англии провёл там девять месяцев. — Монсеньор, не беспокойтесь, вы там столько не пробудете; всегда уповайте на Бога, будьте смиренны, не превозносите, как все ваши воины; им придётся немного пострадать, но вы достигнете своей чести».

Назавтра коннетабль отправился слушать мессу к картезианцам и попросил приора показать ему того брата, который сказал всё это. — «Да», — ответил добрый отец, и он провёл перед принцем всех братьев монастыря, не желая указывать его иначе. Впоследствии он узнал,

что это был брат Эрве Дюпон, и он сделал его приором картезианского монастыря, который основал в Нанте.

Через несколько дней после этого доброго совета приора картезианцев коннетабль получил благоприятный ответ от короля, который приказывал ему начать осаду и предписывал разным капитанам явиться под его начало. Давно уже в своей жизни он не испытывал столь великой радости. Он поспешил собрать всех своих людей в Корбее; с ним были Амбруаз де Лоре, Ла Гир, Дени де Шайи, Оливье де Коэтиви, командор де Гирем, сеньор де Шатийон, капитан Буржуа; а из собственного его дома — Жиль де Сен-Симон, сир де Ростренен и другие бретонцы [13].

Осада началась 20 июля; коннетабль сначала установил свои бастилии и разместил свои войска вокруг города, к северу, на правом берегу Марны, оставив для последующей атаки другую часть Мо, называемую Рынок, которая находится на левом берегу со стороны Бри.

Как только англичане узнали, что у них хотят отнять эту важную крепость, они решили испытать всё, чтобы прийти ей на помощь. Лорд Тальбот, лорд Скейлз, лорд Фальконбридж под командованием графа Сомерсета собрали около четырёх тысяч воинов, чтобы снять осаду. Коннетабль, предупреждённый своими лазутчиками об их продвижении, решил взять город до их прибытия. Артиллерией командовал мэтр Жан Бюро, человек весьма искусный, который, как говорили, узнал от одного еврея, прибывшего из Германии, весьма хитрые вещи о порохе и пушках. Он уже проделал проходимую брешь; был назначен штурм. Никогда у французов не было больше мужества и лучшей надежды; несмотря на энергичную оборону, город был взят за полчаса.

Но мост был разрушен, а чтобы взять Рынок, который был крепостью ещё более грозной, требовалась новая осада. Англичане, находившиеся внутри, предложили отойти на хороших условиях, если будет отпущен на свободу бастард де Тиан, капитан города, которого французы только что взяли в плен. Речь шла о том, чтобы спасти ему жизнь, ибо французов из прежней бургундской партии, которые после Аррасского мира остались с англичанами, не щадили. Договор уже почти был заключён; но Ла Гир и Антуан де Шабан непременно потребовали, чтобы, сверх того, англичане выдали без всякого выкупа маленького Бланшфора, одного из своих, такого же, как и они, знаменитого главаря шайки. Переговоры, таким образом, прервались, и коннетабль тотчас приказал отрубить голову бастарду де Тиану и ещё двум пленным французам, к великому сожалению воинов, которые их взяли и лишались таким образом выкупа.

Осада Рынка велась энергично; со стороны Бри была построена мощная бастилия, и французы закрепились также на небольшом островке на реке, которой крепость окружена почти со всех сторон. 14 августа подошла английская армия; многие капитаны Франции полагали, что следует выйти, чтобы сразиться с нею. Коннетабль, опасаясь очутиться между англичанами, которые прибывали, и гарнизоном, который мог бы сделать вылазку, решительно отказал и даже приказал охранять ворота города, чтобы лучше обеспечить повиновение своих людей. Англичане привезли на телегах кожаные лодки; они атаковали маленький островок, и все французы, которые там находились, погибли, доблестно защищаясь. Сир де Шайи, командовавший бастилией на левом берегу, не имея достаточно сил, отступил. Англичане по своему желанию усилили гарнизон Рынка и снабдили его продовольствием.

Ничто не могло заставить коннетабля выйти из города. Это было мудрое решение; ибо англичане, узнав, что король лично приближается к Бри-Конт-Роберу, были вынуждены отступить. Осада возобновилась; бастилия была восстановлена, остров отбит, и в первых числах сентября гарнизон был вынужден сдаться. Коннетабль, узнав затем, что сир де ла Фай, один из его дворян, поддерживал сношения с осаждёнными и сообщил им о прибытии англичан, тотчас приказал отрубить ему голову. Именно благоразумие и твёрдость этого принца доставили королю столь ценное завоевание; и на сей раз король выказал ему больше признательности.

Он выслал ему навстречу графа дю Мэна и самых знатных сеньоров, которые проводили его в особняк Сен-Поль, где король находился уже несколько дней.

Известие о взятии Мо сделало переговоры в Гравелине ещё более трудными. Через несколько дней они были прерваны. Герцогиня и кардинал Винчестер расстались, однако, в весьма добрых отношениях [14]. Было условлено возобновить переговоры в мае следующего года. Кардинал также подал благоприятную надежду на скорое освобождение герцога Орлеанского. Герцогиня Бургундская начала ещё один договор, заключение которого состоялось вскоре после этого и который должен был стать весьма выгодным для её подданных во Фландрии: речь шла о торговом перемирии, чтобы торговля могла вестись беспрепятственно.

Это граф де Линьи, чтобы помешать заключению мира, поспешно отправил кардиналу Винчестеру известие о взятии Мо. Этот сеньор всё больше впадал в немилость у герцога Бургундского, который в самом деле имел против него с каждым днём всё более серьёзные обвинения. Он упрекал его в том, что тот уже препятствовал переговорам, которые пытались вести с англичанами через посредство его брата, епископа Туранского; в том, что он без согласия его, своего сюзерена, вступил в сношения с кардиналом Винчестером и английским советом. Но самыми тяжкими его провинностями было постоянное пренебрежение всеми обязанностями доброго вассала, отказ в повиновении офицерам Герцога, допущение нападений своих людей на них и выдача охранных грамот, словно он был суверенным государем [15].

Граф де Линьи, несмотря на свой тайный союз с англичанами и доверие, которое он питал к их обещаниям, всё же не хотел быть в открытой вражде со своим сеньором. Не сумев добиться принятия своих оправданий, он написал длинное письмо каждому из своих благородных братьев и сотоварищей по ордену Золотого Руна, чтобы извиниться за то, в чём обвинял его Герцог, и просить их вернуть его в милость к нему.

Однако поведение его нисколько не соответствовало его словам почтения и покорности. Он держал гарнизоны в Куси, в Аме, в Неле, в Ла-Ферте, в Сен-Гобене, в Бушене, в Боревауре и в других крепостях. Его люди постоянно общались с англичанами из гарнизона Крейля и с английскими отрядами, рыскавшими по стране, и помогали им всеми силами. Когда он выдавал охранные грамоты для какого-либо места, люди Герцога и короля изгонялись оттуда; некоторые даже были при этом убиты. Наконец, последнее оскорбление окончательно разгневало Герцога. Он приказал собрать новую талью в бальяже Перонны, и его чиновники захотели собрать её в деревнях сеньорий Ам и Нель. Граф де Линьи заявил, что она не причитается, поскольку на неё не дали согласия три Штата страны, и подал апелляцию. Герцог приказал продолжать, и сержанты были посланы с лучниками для исполнения приказа. Жак де Бетюн, бальи Ама, тотчас приказал своим гарнизонным солдатам сесть на коней, напал на лучников; некоторые были ранены и покалечены.

Узнав эту новость, Герцог немедленно написал графу де Линьи, чтобы ему был выдан Жак де Бетюн. Приказ этот не был исполнен; сеньории, которые граф и графиня де Линьи имели во Фландрии и в Эно, были захвачены.

Тогда граф написал весьма почтительное письмо членам большого совета герцога Бургундского. Он объяснял, почему талья казалась ему не подлежащей уплате, поскольку на неё не дали согласия Штаты, созданные в достаточном числе; как он подал на неё апелляцию; как Жак де Бетюн, слыша жалобы бедных сельских женщин, которых лучники грабили и оскорбляли, решил, что страну разоряет шайка живодёров, и не мог предположить, что это чиновники Герцога. Но, говорил он, как только Жака де Бетюна в этом уверили, он удержал своих людей. Сам же он, после письма Герцога, приказал провести судебное расследование против Жака де Бетюна, которого нашли невиновным; он предложил, чтобы дело было рассмотрено в судебном порядке чиновниками Герцога, дабы можно было выслушать его оправдания, и обязался ко всякому возмещению и унижению, если его найдут виновным; более того, он воззвал о милости к своему сеньору, но не мог быть выслушан.

«Это мне весьма тяжело, — продолжал он, — принимая во внимание, что я ни в чём не виновен и сам предложил обратиться к правосудию. Если даже предположить, что меня считают виновным, чего не будет признано, для конфискации или наложения запрета на моё имущество нет оснований. Этому противятся права, законы и обычаи страны; я это изложил Гуго де Ланнуа, сир де Соту, который из учтивости приехал ко мне и которого я просил умолить монсеньора открыть мне путь правосудия. Я готов быть выслушанным в моих оправданиях перед монсеньором герцогом Бургундским, монсеньорами его ордена Золотого Руна и прочими лицами его совета, или перед тремя Штатами Фландрии и Брабанта, или перед судьями и по законам, от которых зависит вышеупомянутая территория. Я не хочу избегать монсеньора, ни его правосудия; я не иду искать другого государя или других судей, кроме него и его людей. Мне кажется, согласно Богу, благому правосудию и дворянству, в этом не следовало бы мне отказывать. Не думаю, чтобы я мог более или лучше исполнить свой долг, чем просить правосудия у монсеньора, государя столь прославленного, у сеньоров его ордена, его родственников, братьев и друзей, людей избранных и честных, у его совета, у его Штатов, у судей, среди коих столько особ мудрых и достойных. И, сверх того, взывать о милости, когда я не виновен. Однако я узнал от тех, кто приезжал ко мне, что мой грозный сеньор не будет доволен, пока я не выдам ему Жака де Бетюна; каковую вещь мне исполнить невозможно и было бы невозможно, ибо он не в моей власти. Разве не правда, что всякий человек, знающий себя в немилости у государя столь высокого и могущественного, не дал бы схватить себя для предания на мученичество?»

Граф де Линьи заканчивал письмо прошением к членам совета ходатайствовать за него перед Герцогом, дабы ему было оказано правосудие.

Когда это письмо прибыло, оно дало повод к долгим совещаниям; многие сеньоры, и в особенности сир Гуго де Ланнуа, указывали, что если действовать силой, то произойдут великие несчастья. Граф де Линьи был человеком большой предприимчивости, владельцем многих крепостей, союзником англичан, которым он мог бы их передать. Добавляли, что он долгое время оказывал важные услуги герцогу Бургундскому и мог бы ещё быть ему нужен; ибо французы день ото дня совершали всё больше посягательств на владения Герцога и плохо соблюдали Аррасский мир. Так говорили те, кто в совете всегда склонялся к английской партии; но Герцог слушал их холодно и живо чувствовал обиду от своего вассала. Граф д'Этамп, чьи люди из его армии подверглись нападению и были убиты Жаком де Бетюном, весьма поддерживал это мнение. Наконец, остановились на более мудром решении. Герцог послал в Камбре Никола Ролена, своего канцлера, епископа Турнейского, сира де Ланнуа и сира де Савёз для переговоров с графом де Линьи, его советниками и Жаком де Бетюном. Был составлен проект соглашения; граф сначала внёс в него кое-какие исправления. Поскольку они не все подошли бургундским советникам, те, в свою очередь, сделали несколько изменений, и проект был передан графу де Линьи. Он был горд и нетерпелив. «Ах! — сказал он, — канцлер и епископ Турнейский думают, что могут поступать со мной по своей прихоти; но это не в моём вкусе». И он вдруг разорвал бумагу. Сеньоры, которые его окружали, и его советники с большим трудом его успокоили. Однако соглашение было заключено; он принёс свои извинения; Жак де Бетюн отдался в руки Герцога, который, как и было обещано на словах, продержал его в тюрьме лишь несколько дней. Так утихла эта опасная ссора; граф де Линьи остался, тем не менее, союзником англичан.

Сразу после возвращения послов, ведших переговоры о мире, король Франции отправился в Орлеан, чтобы провести там Штаты своего королевства, дабы сообщить им, что он сделал для достижения мира, а также для того, чтобы обсудить средства положить конец ужасным бесчинствам живодёров и всех военных людей. Совсем ещё недавно бастард Бурбонский захватил крепость Ла-Мот в Лотарингии, а затем перепродал её правителям края; оттуда он проследовал через окрестности Лангра; но Жан де Вержи с бургундцами настиг эту шайку и почти полностью её уничтожил и рассеял. Герцог всё более жаловался на такое множество

набегов, предпринимаемых против его провинций. С другой стороны, коннетабль не мог защищать королевство — настолько ему не хватало и денег, и повиновения со стороны военных; добрые города обезлюдели от чумы и голода; бедные пахари больше не возделывали землю; наконец, мессир Карл, граф дю Мэн, и самые мудрые советники короля не переставали указывать на плачевное положение королевства [16].

Собрание Штатов в Орлеане было многолюдным и торжественным; все принцы там присутствовали или прислали своих людей; епископ Турнейский, сир де Бримё, сир де Креки были послами Бургундии; граф де Дюнуа был там от имени своего брата, герцога Орлеанского; Пьер Бретонский с почтенными епископами и сеньорами — от имени герцога Бретонского; сир д'Эстен — от имени графа д'Арманьяка. Королева Сицилийская, тёща короля, герцог Бурбонский, граф д'Э, граф де Ла Марш, граф Вандомский присутствовали лично; город Париж и другие добрые города имели своих депутатов. Словом, со всех сторон каждый, и король прежде всех, не имел иного желания, иной воли, кроме как заняться благом королевства, его управлением и средствами привести его к доброму миру, правосудию и порядку.

Архиепископ Реймский, канцлер Франции, начал с изложения того, что недавно состоялись переговоры о мире; что на них обеими сторонами были представлены предложения; что стороны разъехались, условившись, что каждая доложит о них своему королю, чтобы узнать его волю, и что они соберутся вновь в мае будущего года. Канцлер закончил, сказав этому благородному собранию, что все должны подумать о благе общего дела, о возвращении королевства и высказать по совести своё благое и правдивое мнение. Взяв два дня на размышление, представители Штатов собрались в зале совета для обсуждения этих высоких дел. Дабы лучше их прояснить, было поручено нескольким почтенным и умелым лицам высказаться против и за мир. Граф Вандомский, мэтр Жак Жювеналь дез Юрсен, епископ Пуатье, должны были отстаивать мир; граф де Дюнуа, маршал де Ла Файет и мэтр Жан Рабато, президент Парламента, приводили доводы в пользу войны. Мэтр Жювеналь и мэтр Рабато сказали много прекрасных, мудрых и великих вещей, которые они подкрепляли примечательными примерами из древней истории, выдержками из Священного Писания, отцов Церкви и древних авторов. Большинство присутствовавших сеньоров также выступили, равно как и послы других принцев; депутаты добрых городов также изложили своё мнение. Короче говоря, почти единогласно были указаны разорения, беды, грабежи, убийства, мятежи, кражи, похищения, поборы, творимые под предлогом войны; и, напротив, какие блага, какая радость, какие удовольствия царили бы в стране, которая обрела бы мир. Посему было предложено, чтобы в мае будущего года послы вернулись в Сент-Омер для заключения мира, если англичане пожелают склониться к разумным условиям. Однако, поскольку дофин отсутствовал, а сеньоры и депутаты земли Лангедок не присутствовали, было решено, что другое собрание Штатов состоится в Бурже в феврале.

Но более всего и обстоятельнее всего представители трёх Штатов указали на великие бесчинства военных. Король публично признал, что они жили за счёт народа без порядка и правосудия. Принимая во внимание нищету, угнетение, разорение своего народа, о чём он имел столь великое огорчение, он заявил, что его намерение — более не терпеть и никоим образом не допускать подобных вещей, и он издал прекрасный и высокий указ в форме закона и эдикта, всеобщего, вечного и неотменимого, или, как тогда говорили, прагматической санкции, дабы подчинить военных лучшей дисциплине. Долгое время не удавалось добиться его исполнения, и к нему пришлось последовательно добавлять много других правил и распоряжений; но, наконец, с этого дня начали уповать на правосудие.

Тому множеству капитанов, которые возвысились собственной властью и собрали большое количество воинов без разрешения или дозволения короля, предписывалось впредь не носить звания капитана, если только они не входят в определённое число капитанов латников и стрелков, людей мудрых и благоразумных, избранных королём для ведения войны, облечённых этой должностью и коим будет доверено известное число людей.

Эти капитаны, избранные и назначенные королём, были обязаны отбирать латников и стрелков, а также других воинов, достойных, годных и умелых, и отвечать за их поведение.

Запрещалось, под страхом преступления оскорбления величества, конфискации личности и имущества, лишения дворянства и всякого права на почести и общественные должности, быть столь дерзким, чтобы набирать, вести или принимать военный отряд без разрешения, дозволения, согласия, приказа или жалованных грамот короля.

Ни один капитан не мог принимать в свой отряд никакого латника, дворянина или иного, никакого стрелка, покинувшего отряд другого капитана.

Запрещалось, под страхом преступления оскорбления величества, всем капитанам, воинам и прочим грабить, обкрадывать или обирать, или позволять грабить, обкрадывать или обирать людей церкви, дворян, купцов, пахарей и прочих на дорогах, в их домах или жилищах и в иных местах; а также брать их, заключать в тюрьму и требовать за них выкуп; напротив, надлежало давать им проходить в безопасности и сохранности.

— Также брать у купцов и пахарей их волов, лошадей и всякий скот для упряжи, пахоты, перевозок или повозок; напротив, надлежало оставлять их пахать или перевозить свои припасы и товары мирно и ничего с них не требуя.

— Уничтожать или позволять уничтожать зерно, вино или какое бы то ни было продовольствие, бросать его в колодцы, разбивать бочки или прочие сосуды, косить или резать хлеб, молотить его, отдавать его зелёным на корм лошадям.

— Поджигать или позволять поджигать снопы, дома, сено, солому, постели, бельё, утварь, бочки, прессы и другие орудия.

— Ломать деревянные части домов для отопления.

Всем сенешалям, бальи, прево и прочим судьям королевства вменялось в обязанность, как только они узнают о появлении в своей местности таких воров и грабителей с большой дороги, собирать вооружённых людей или иных, как если бы то было против неприятеля, дабы схватить их и предать правосудию. Их добыча отдавалась тому, кто их схватит; никакое преследование не должно было возбуждаться против того, кто убьёт их в таком столкновении.

Король приказывал всем своим капитанам и воинам жить мягко и мирно, не чиня насилий народу и не допуская излишних расходов ни на людей, ни на лошадей, и довольствоваться разумно тем продовольствием, какое они найдут, не принуждая чрезмерно своих хозяев давать им обильные и изысканные припасы или деньги для покупки продовольствия или конской сбруи.

Капитаны должны были немедленно выдавать нарушителей правосудию под страхом нести ответственность за преступление, если по их небрежению те скроются.

Воины обязаны были противиться этим бесчинствам, если бывали их свидетелями.

Если нарушители были слишком сильны и пользовались поддержкой сеньоров или иных лиц, так что правосудие не могло свершиться, судьи должны были составлять протоколы, повестки, приговоры, решения и заявления и направлять их королю или в Парламент.

Всякий судья был правомочен, без различия юрисдикций и территорий. Всякий судья, который отказался бы или пренебрёг бы вершить правосудие, подлежал преследованию как пособник и сообщник.

Когда капитан отряда отказывался выдать нарушителя, надлежало немедленно применить против него вооружённую силу или иные средства и направить донесение королю или в Парламент.

Сверх того, всякий человек раненый или пострадавший мог, не обращаясь к королевским чиновникам, собрать вооружённых людей, напасть на нарушителей и доставить их к правосудию; никакое преследование не возбуждалось против тех, кто убьёт их в этой схватке.

Капитаны и воины должны были по приказу короля размещаться гарнизонами в крепостях на границах лицом к неприятелю, пребывать и оставаться там, не покидая их и не живя за счёт страны никоим образом, под страхом преступления оскорбления величества.

В этом случае каждый мог вооружаться и собираться против них, и их добыча принадлежала бы тому, кто её захватит.

Король заявлял, что его намерение — не давать ни помилования, ни прощения ни одному нарушителю, и если бы по неотступности просьб или иным образом ему случилось даровать таковые, он желал, приказывал и повелевал своему суду Парламента или иным своим судьям никоим образом ему не повиноваться.

Сеньоры, бароны и иные капитаны, державшие гарнизоны в своих собственных крепостях или замках и причинявшие жестокие притеснения подданным короля, должны были содержать их на свой счёт, со своими людьми, без ущерба для народа. Если крепости и замки им не принадлежали, они должны были вернуть их тем, кому они принадлежали.

Означенные сеньоры отвечали за деяния своих людей так же, как капитаны за свой отряд.

Дворянам и людям всех сословий запрещалось укрывать каких-либо нарушителей под предлогом родства или иным, и каждый мог с оружием в руках идти и брать их там, где они скрывались. Всякий замок, барония или сеньория, где укрывался нарушитель, подлежали конфискации.

Многие сеньоры под предлогом снабжения своих замков и крепостей продовольствием требовали зерно, вино и другие припасы от жителей своей сеньории, установили или увеличили речные или дорожные пошлыны: эти поборы запрещались.

Нередко случалось, что когда король, с согласия трёх Штатов, брал тальи для ведения войны, сеньоры, бароны или иные лица удерживали деньги от тальи или иных податей, утверждая, что они им назначены или что король должен им такую-то сумму. В других случаях они прибавляли к королевской талье крупные суммы в свою пользу: таковые действия им запрещались.

Другие брели тальи в своих сеньориях по собственной воле и так отягощали народ: король запрещал брести какую-либо талью, подать или дань без его власти, его дозволения и жалованных грамот.

В заключение король повелевал обнародовать этот закон и указ в добрых городах и во всех местах его королевства.

Вскоре было получено новое и великое доказательство необходимости дисциплинировать военных [17]. Тотчас после взятия Мо король приказал коннетаблю идти сражаться с англичанами в Нормандии. Тот предпринял нападение на них через Бретань и, соединив свои силы с силами герцога Алансонского, отправился осаждать Авранш. Лорд Тальбот и английские капитаны прибыли на помощь этому городу. Французский корпус был сильно укреплен рекой Селюн, которую обычно нельзя перейти вброд, особенно во время прилива. Не было, следовательно, ничего легче, чем охранять переправу. Но французская армия состояла из всех отрядов живодёров, каких только удалось собрать; им не заплатили жалованья; денег не хватало; артиллерии было мало, и она плохо обслуживалась. Коннетабль не мог добиться ни от кого повиновения; каждый вечер воины расходились ночевать по окрестным деревням. Бывали ночи, когда коннетабль не мог удержать при себе и четырёхсот человек для защиты лагеря и переправы через реку. Вот и случилось однажды, что при отливе англичане, прощупывая дно копьями, нашли место в реке близ отелей горы Сен-Мишель, где можно было переправиться. Они перешли реку, захватили врасплох стражу, взяли в плен командовавшего ею сира де Онфруа и вошли в город.

Когда французы узнали, что англичане в Авранше, ими овладело уныние; каждый разошёлся в свою сторону. Коннетабль с удивительной стойкостью переносил самые жестокие испытания и не желал снимать осаду, как бы мало людей у него ни оставалось. Наконец два

главаря шаек, Антуан де Шабан и Бланшфор, пришли сказать ему, что они готовы остаться с ним, но что людей у них нет и десяти. Тогда, весьма против своей воли, имея при себе почти одних лишь капитанов, он ушёл с сотней копий; а англичане, выйдя из Авранша, захватили в лагере великолепную добычу, откуда не успели вывезти даже продовольствие, пушки и обоз.

Когда король, который после Орлеанских Штатов прибыл в Анже, узнал о затруднительном положении своей армии, он спешно послал сира де Гокура и Сентрайля с небольшими деньгами и артиллерией. Они прибыли слишком поздно; всё уже было рассеяно и потеряно. Они вернулись в Анже с коннетаблем и главными капитанами.

Король был в сильном гневе: «Как это могло случиться? — спросил он их, — и почему под Авраншем действовали столь трусливо?» Ему рассказали о происшедшем; он собрал свой совет: «Какая же польза, — говорил он, — собирать столько воинов, если не для того, чтобы разорять мой народ? Я осведомлён о том, как идут дела; я знаю, что каждому воину нужен десяток выючных лошадей для перевозки всего его скарба, паж, слуги, женщины, собаки, ловчие птицы [18]. Вся эта сволочь годится лишь на то, чтобы объедать мой народ».

Итак, дабы начать исполнять прекрасные указы о военных, был отдан приказ прогнать весь бесполезный сброд; было обещано, что впредь будет проводиться смотр отрядов, а жалование выплачиваться раз в месяц. Тотчас же король назначил капитанов и приказал выдать им деньги, оружие, артиллерию.

Этот добрый порядок, который старались установить, был не всем по вкусу; он стеснял сеньоров, привыкших управляться исключительно по своей воле [19]. Нелегко было также отнять у всех этих капитанов отряды, делавшие их столь могущественными и грозными. Герцоги Бурбонский и Алансонский, граф Вандомский и граф Дюнуа решили сделать то, что уже не раз видели, — силой переменить правительство королевства, изгнать из совета тех, кому король доверял, и сокрушить таким образом большое влияние как коннетабля, так и графа дю Мэна. Они внезапно покинули короля и отправились в замок Блуа. Сир де Ла Тремуй, который постоянно искал случая вернуть себе утраченную власть, был душою всего этого дела; его советы немало способствовали тому, что крупные сеньоры приняли такое решение. Он обещал им вложить в их предприятие свою особу и своё состояние. Бастард Бурбонский, Бланшфор и другие главари рутьеров вышли из повиновения и вновь принялись рыскать по стране. Король тщетно пытался удержать кое-кого из них при себе, чтобы использовать против мятежников. С этим намерением он оказал хороший приём Антуану де Шабану; и когда он делал ему наставления о его поведении, говоря: «Вы же знаете, что англичане и бургундцы называют вас и Бланшфора капитанами живодёров», — Шабан возразил: «Государь, когда я обдираю ваших врагов, их шкура вам полезнее, чем мне». Затем он отправился к остальным.

Дофин был тогда в Лоше, возвращаясь из Лангедока, где по приказу короля он только что провёл год, пытаясь навести хоть какой-то порядок в этой провинции, в чём он не слишком преуспел. Сеньоры Прагерии — ибо так называли этот мятеж из-за волнений и смут в Богемии и Праге, о которых тогда много говорили, — вознамерились поставить этого юного принца во главе себя. Бастард Бурбонский со своим отрядом явился к нему в Лош. Его советы, советы сира де Шомона, сира де Бусико, сира де Санглие побудили юного принца, которому тогда было всего семнадцать лет, выступить против своего отца. Тщетно граф де Ла Марш, которого король дал ему в наставники, обращал к нему самые мудрые увещевания — всё было бесполезно. Дофин заявил, что устал повиноваться как подданный, как он делал это в прошлом, что он намерен руководствоваться своей волей и чувствует себя способным творить благо королевства. Его сторонники и он сам добавляли много оскорбительных для короля речей. Они говорили, что это государь, преданный покою и изнеженности, что он нисколько не заботится о защите своего королевства от разорения врагами и даже собственными капитанами. Дофин уверял, что своим мужеством и деятельностью он быстро положит конец таким беспорядкам. Он тотчас же послал за герцогом Алансонским и удалился в Ниор. Граф де Ла Марш, устра-

шённый, видя в нём столько упрямства в столь пагубном замысле, вернулся в Анже к королю, чтобы сообщить ему обо всём.

На сей раз король не выказал никакой слабости. Он немедленно собрал армию. Он написал в добрые города и по всей Франции, что надлежит отказывать в повиновении и входе Дофину, герцогу Бурбонскому, герцогу Алансонскому и их союзникам. Он как можно скорее отправил сира де Гокура и Сентрайля за коннетаблем, который покинул его за несколько дней до этого, чтобы вернуться к своему управлению Иль-де-Франсом. Проезжая через Блуа, граф де Ришмон застал герцога Бурбонского, графа Вандомского и графа Дюнуа исполненными радости и надежды. Дофин был уже в Ниоре с герцогом Алансонским; герцогу Бургундскому написали, прося его поддержки; шайки занимали Солонь и Берри. Поэтому все эти крупные сеньоры держались весьма надменно и говорили с коннетаблем безо всякого стеснения. Граф Дюнуа особенно, казалось, желал вызвать его на оскорбительные слова, чтобы завязать ссору и найти случай схватить его. Но граф де Ришмон был мудр, он сохранил полное хладнокровие. Благодаря Антуану де Шабану, который отговорил сеньоров, показав им, что захватить коннетабля значило бы отдать англичанам Париж и Иль-де-Франс, он продолжил свой путь.

Гокур и Сентрайль нагнали его на следующий день в Божанси: «Монсеньор, — сказали они ему, — король вам не приказывает, но просит вас немедленно прибыть к нему, оставив все дела». Он велел снарядить лодку, поднялся на неё со своими лучниками и вскоре прибыл в Амбуаз, куда приехал король. Он нашёл его в большом душевном смятении, лишившимся сна, но, однако, полным решимости и мужества. Он приказал схватить маленького Бланшфора. Эшафот уже был воздвигнут, и ему собирались отрубить голову, когда королю доложили, что прибывает граф де Ришмон. Его радость была совершенной; он оказал ему прекрасный приём. «Раз мой коннетабль со мной, — говорил он, — я больше ничего не боюсь». По его просьбе он даровал помилование Бланшфору, который был доблестным капитаном и одним из наименее виновных в заговоре.

Король без промедления отправился в Пуатье. «Помните, — говорил ему коннетабль, — о короле Ричарде Английском; ему дорого обошлось то, что он заперся в замке Конузэй во время мятежа герцога Ланкастерского. Остерегитесь запираяться в каком-либо городе или крепости». Посему было решено оставаться в открытом поле. Сен-Мексан только что был захвачен изменой; но горожане и монахи ещё доблестно оборонялись в одних воротах города и в монастыре. Король прибыл вовремя, чтобы помочь им; он выказал признательность за их мужественную верность, даровал им прекрасные привилегии, возвёл горожан в дворянство, обещал им, что город всегда будет находиться исключительно под их охраной, и так хорошо поддерживал порядок и дисциплину, что в городе, в который вступали с оружием в руках, не было убито ни одного человека, ни одна женщина не подверглась насилию. Это было столь ново и показалось чудесным. Замок был взят на следующий день, и мятежники, находившиеся там, были перебиты и обезглавлены, кроме тех, кто были слугами герцога Алансонского, которых коннетабль попросил короля пощадить с условием, что они никогда не поднимут оружия против его власти.

Дела Прагерии шли не так хорошо, как надеялись сеньоры. Герцог Бургундский, обсудив дело в своём совете, велел ответить Дофину, что он сам, его страны и всё его имущество — в полном распоряжении монсеньора Дофина, и он примет его наилучшим образом, когда ему будет угодно прибыть; но что ни по какой причине он не окажет ему ни милости, ни помощи, если речь идёт о войне против короля, его отца; что, напротив, он готов всячески содействовать его возвращению в милость и советует ему попытаться сделать это; ибо продолжение этой войны кажется ему слишком великим бесчестьем и причинит слишком много вреда королевству. С этой целью он посылал послов к королю, дабы выступить посредником в этих переговорах. Вскоре после этого граф Дюнуа покинул Прагерию, явился просить прощения у короля и извинился за попытку схватить коннетабля. Что же до герцога Бурбонского, который был

главным зачинщиком предприятия, то он ещё упорствовал. По его приказу Антуан де Шабан со своим отрядом отправился в Ниор, чтобы взять монсеньора Дофина и герцога Алансонского и благополучно проводить их в его герцогство Бурбоннэ, где у него было много городов и крепостей.

Король последовал за ними через Сутеррен и Гере. Шамбон и Эво были взяты; Монтегю, Эбрёй, Эгперс сдались. Герцог Бурбонский и сеньоры его партии не могли вовлечь в свой мятеж никого — ни дворян, ни города. Дворянство Оверни ответило, что оно охотно послужит монсеньору Дофину, но никогда — против короля, и что если король придёт в провинцию, то, конечно, дворяне никогда не посмеют отказать ему во входе в города или крепости. Люди Прагерии также рассчитывали, что шайки рутьеров из Лангедока придут им на помощь; напротив, они подчинились приказам короля, и сир де Салазар, который был главным капитаном в южных краях, прибыл в Овернь, чтобы вести войну с мятежниками.

Тогда герцог Бурбонский подумал о том, чтобы вступить в Бургундию, и продвинулся в ту сторону до Десиза. Но герцог Филипп приказал воспрепятствовать входу шаек; к тому же города и народ, ободрённые указом короля, не желали больше позволять себя грабить и облагать выкупом. Край был готов восстать против Прагерии; пришлось поэтому вернуться в Мулен. Тем временем Кюссе, Шарру, Клермон, Монферран, вся Лимань, кроме Риома, столицы герцогства Овернь, принадлежавшей герцогу Бурбонскому, спешно покорялись власти короля. Он собрал Штаты провинции Овернь в Клермоне. Епископ Мартен Гуж, который давно уже был одним из его главных советников, изложил, как весь этот мятеж произошёл от того, что король пожелал спасти свой народ от истребления, положить конец бесчинствам своих военных и заставить их держаться на границах, дабы сражаться с врагами; как именно для противодействия столь мудрой воле крупные сеньоры оставили королевство беззащитным перед англичанами, лестью убедили монсеньора Дофина, что править надлежит ему, и так вооружили сына против отца; он показал, как такая война противна Богу, разуму и природе, и попросил три Штата предоставить кое-какие субсидии, дабы можно было положить ей конец. Штаты выказали великое почтение и живую признательность королю; они в самом деле дали согласие на взимание талы.

Восставшие сеньоры почти потеряли надежду, и им оставалось только заключить мир; но Дофин, как ни был юн, отличался гордостью и своеобразием; ему было неприятно унижаться и особенно жертвовать теми, кто принял его сторону. Граф д'Э более всех прочих старался заключить соглашение. Герцоги Бурбонский и Алансонский прибыли из Мулена к кордельерам в Клермоне, за город, и королевский совет отправился туда для переговоров с ними. Граф дю Мэн, коннетабль, епископ Клермонский, сир де Коэтиви, адмирал Франции, граф де Ла Марш были тогда главными в этом совете. После трёх дней совещаний герцоги Алансонский и Бурбонский обещали, что приведут Дофина, и отправились в Мулен за ним. В назначенный день он отказался прибыть, так как король не согласился помиловать людей его дома.

Тогда пришлось продолжать войну; король переправился через Алье у Пон-дю-Шато, взял Виши, Варен, Ла Палис, Роанн, Шарльё. Повсюду города покорялись сами; когда какой-нибудь оказывал сопротивление, король прибывал туда, чтобы при взятии силой там не чинили жестокостей и беспорядков.

Наконец, граф д'Э явился сообщить этому достойному государю, что если он соблаговолит прибыть в Кюссе, монсеньор Дофин придёт отдать себя в его руки и просить у него пощады. Король ещё опасался, что это обещание не будет исполнено; однако, поскольку граф д'Э ручался за это своей жизнью, он соблаговолил поверить ему и прибыл в Кюссе. Герцог Алансонский только что заключил сепаратный мир.

Дофин и в самом деле отправился в путь, чтобы предстать перед отцом. Он ехал верхом с герцогом Бурбонским, и с ним были сиры де Ла Трёмуй, де Шомон и де При. Когда они были в полулье от города, явился гонец и приказал этим трём сеньорам не следовать далее; ибо король

ничего им не даровал и не желал их видеть. «Кум, — сказал Дофин герцогу Бурбонскому, — вы меня обманули и не сказали мне, как обстоит дело. Раз король не прощает людей моего дома, Пас-Дьё! я не пойду». — «Монсеньор, — возразил герцог Бурбонский, стараясь его успокоить, — всё уладится, не тревожьтесь. К тому же, — добавил он, — выбора больше нет, вот идёт авангард короля». Прибыли граф д'Э и несколько других сеньоров; они с большим трудом уговорили Дофина, он непременно хотел повернуть назад. Наконец он уступил и отпустил трёх сеньоров из своей свиты.

Прибыв в резиденцию короля, его сын и герцог Бурбонский трижды преклоняли перед ним колени; в третий раз они смиренно умоляли его простить их и не гневаться на них более. «Людовик, — сказал король, — добро пожаловать; вы сильно замешкались. Ступайте сегодня отдохнуть в ваше жилище; завтра мы с вами поговорим». Затем, повернувшись к герцогу Бурбонскому: «Кузен мой, — сказал он, — я огорчён проступком, который вы совершили против нашего величества, и это не впервые». Затем он напомнил ему, что уже четырежды прощал ему серьёзные неповиновения. «Если бы не любовь и честь к особам, коих я не хочу называть, — продолжал он, — мы показали бы вам всё огорчение, которое вы нам причинили; остерегитесь впредь снова впадать в это». Он добавил ещё несколько строгих, мудрых и веских слов, прежде чем отпустить их.

На следующий день они явились к его мессе, а после, перед членами совета, снова просили прощения за своё поведение. Дофин отважился тогда просить также помилования для Ла Тремюя, Шомона и де При. «Я этого не сделаю, — сказал король, — и не желаю их видеть; я согласен, чтобы они удалились в свои дома и оставались там». — «В таком случае, монсеньор, — возразил Дофин, — мне придётся возвращаться; ибо я обещал им ваше помилование». — «Людовик, — сурово ответил король, — ворота открыты; и если они недостаточно велики для вас, я прикажу снести пятнадцать или двадцать туазов стены для вашего прохода; ступайте куда вам угодно; вы мой сын и не могли обязываться ни перед кем без моего согласия. Но если вам угодно уйти, уходите; ибо, с Божьей помощью, мы найдём достаточно людей нашего звания, которые помогут нам поддерживать нашу честь и нашу власть лучше, чем вы это делали до сих пор». С этими словами король оставил его и повернулся к герцогу Бурбонскому, который поклялся ему служить верно и повиноваться отныне преданно.

Затем герцог Бурбонский подписал договор, по которому он возвращал крепости Боте, Венсен, Корбей и Бри-Конт-Робер, которые были заняты его людьми и служили им пристанищем для совершения бесчисленных разбоев у ворот Парижа. Он также вернул Лош, который удерживал с тех пор, как Дофин начал там Прагерию; Сансер, захваченный им врасплох, — словом, все крепости, которые он имел вне своих сеньорий. Король оставался в Бурбонне до получения достоверных известий о передаче этих крепостей.

Что до Дофина, все чиновники его дома были смещены, и ему оставили только его духовника и его повара [20]. Но он получил письма от короля, который, принимая во внимание, что он достиг возраста, достаточного, чтобы иметь разумение и заниматься делами королевства, держать двор и управление и иметь земли и сеньории, доход с которых мог бы помочь ему нести расходы, поручил ему правление и управление Дофинэ, титул коего он только и носил. Однако его акты могли скрепляться печатью только канцлера Франции.

Когда эта война так завершилась, король приказал объявить, что он простил своего сына и герцога Бурбонского, и вновь подтвердил по этому случаю все запреты военным чинить малейший ущерб и притеснять народ.

Прагерия продолжалась примерно с апреля до августа. В течение этого времени король не занимался ничем иным, и англичане воспользовались столь благоприятными обстоятельствами, чтобы добиться больших успехов, взять много крепостей, разорить провинции. В тот момент они осаждали с многочисленной армией Арфлёр, который храбро защищал сир д'Эстутвиль.

Тем не менее, как было условлено, послы Франции и Бургундии прибыли в Сент-Омер; но послов из Англии там не оказалось; их ждали семь месяцев. Наконец прибыли епископ Рочестерский и лорд Стэнхоуп; тогда канцлер Франции и граф Вандомский заявили, что послы Англии недостаточно высокого ранга и что они не будут с ними вести переговоры. Впрочем, поскольку каждая из двух сторон была твёрдо намерена не уступать в важном вопросе о суверенитете над королевством Франции, все эти переговоры предназначались лишь для того, чтобы показать народам, что у них есть добрая воля заключить мир, и что если он не заключается, то винить в этом следует упрямство противника.

Освобождение герцога Орлеанского со времени переговоров в Гравелине обсуждалось отдельно и более не от имени короля Франции. Герцогиня Бургундская добилась от кардинала Винчестера, чтобы он взял это дело на себя. Герцог Орлеанский в то же время обязался жениться на мадам Марии Клевской, племяннице герцога Филиппа, которая воспитывалась в его доме.

Кардинал, каково бы ни было в тот момент его влияние в советах Англии, столкнулся с некоторыми трудностями при получении согласия на это освобождение [21]. Король Генрих V, который правил с такой мудростью и завоевал для Англии королевство Франции, как помнили, прежде всего завещал никогда не освобождать герцога Орлеанского. Герцог Глостерский, во всём противившийся кардиналу, настоятельно напоминал об этой воле своего царственного брата. Он приводил много веских доводов; он говорил, что король Карл и Дофин, его сын, находятся в раздоре между собой; что их недостаток мудрости и умения известен всему свету; что если отослать во Францию принца, исполненного знаний, благоразумия, искусства хорошо говорить, он завоюет доверие Штатов этого королевства; что ему доверят правление; что он примирит короля с сыном и поправит дела. Герцог Глостерский добавлял, что герцог Орлеанский, проведя двадцать пять лет в Англии, научился понимать сильные и слабые стороны этого королевства. «От него потребуют, говорят, клятву, но всякий знает, что своим истинным государем он признаёт только короля Карла. Поэтому он впоследствии скажет, что его клятва противоречит его обязанностям и была исторгнута принуждением.

Нормандия — единственная покорённая провинция; но если нормандцы увидят, что герцога Орлеанского освобождают, они вообразят, что англичане так же уступят и во всём остальном; тогда, опасаясь быть однажды покинутыми, они перестанут быть к нам благосклонны.

Герцог Орлеанский — родич и союзник графов Арманьяка и Альбре; он сможет оказать им помощь для ведения войны в нашей старинной провинции Гиень.

Льстят себя надеждой, что раздор вновь вспыхнет между домами Орлеанским и Бургундским. Но оба герцога примирились; именно по просьбе одного вы собираетесь освободить другого; они объединятся против Англии.

Если кто-нибудь из принцев и сеньоров, воюющих во Франции, попадёт в руки врагов, что легко может случиться, какое средство останется для их обмена? Герцога Орлеанского хватило бы, чтобы вернуть четверых или пятерых.

Наконец, если это освобождение приведёт к гибели наших дел во Франции, как советники короля смогут оправдаться? Что скажет весь народ Англии, когда увидит, что потеряны столь прекрасные и славные завоевания, купленные ценой жизни покойного короля, нашего брата, герцога Кларенса, герцога Бедфорда и столько принцев, сеньоров и дворян? Что до меня, я не хочу, чтобы когда-либо мне могли вменить в вину согласие на такое решение, и требую, чтобы мой протест был занесён в протокол».

Он и был занесён в протокол, как он того требовал; но совет присоединился к мнению кардинала, который утверждал, что возвращение герцога Орлеанского может лишь усилить беспорядок и раздоры среди принцев Франции. Подлинным мотивом была нужда в деньгах; выкуп за герцога Орлеанского был установлен в сто двадцать тысяч золотых экю. Это составляло примерно две трети того, что за семь лет совет Англии смог получить в качестве субсидий

от Штатов королевства, собранных в Парламенте [22]. Дофин и все принцы Франции поручились за эту сумму. Штаты Бургундии дали согласие на субсидию Герцогу, чтобы помочь ему выплатить 30 000 экю, которые он гарантировал [23].

Герцог Орлеанский, простившись с королём Англии, был препровождён в Кале, а оттуда в Гравелин в сопровождении лорда Корнуоллиса и нескольких других сеньоров. Герцогиня Бургундская, которая более всех трудилась над его освобождением, прибыла туда его ожидать. Вскоре после этого туда прибыл и Герцог со всем своим двором. Оба принца обнялись несколько раз, сжимая друг друга в объятиях. Сначала они не могли говорить, столь велико было их волнение. Наконец герцог Орлеанский нарушил молчание: «Клянусь честью, мой дорогой брат и кузен, — сказал он, — я должен любить вас больше всех принцев этого королевства, а равно и мою прекрасную кузину, вашу жену; ибо если бы не вы и не она, я навсегда остался бы в руках моих противников. У меня нет лучшего друга, чем вы. — Кузен мой, — ответил герцог Филипп, — я давно уже имел великое желание потрудиться для вашего освобождения, и мне было горько, что я не мог позаботиться об этом ранее». Они сказали друг другу ещё много иных нежных слов. Каждый был растроган радостью этого бедного принца, который вновь видел свою страну после двадцати пяти лет плена на чужой земле. Затем он подошёл к послам Франции, находившимся там, — графу Вандомскому, архиепископу Реймскому, архиепископу Нарбоннскому, — и оказал каждому по очереди самый учтивый приём; но особенно к своему прославленному брату, графу Дюнуа, он выказал великую дружбу.

Из Гравелина отправились в Сент-Омер. Город отпраздновал возвращение герцога Орлеанского празднествами и поднёс ему дары. Со всей окрестной страны, из соседних городов, и особенно из его сеньорий Куси, Валуа и Суассона, толпами приходили повидать его. Во всём королевстве царила народная радость.

6 ноября в аббатстве Сен-Бертен было отпраздновано обручение мадемуазель Клевской с герцогом Орлеанским. Перед церемонией герцог Бургундский повелел принести Аррасский договор. Он был зачитан вслух; затем герцог Орлеанский, положив руку на Святое Евангелие и крест, поднесённые ему архиепископом Реймским, поклялся соблюдать этот договор во всех пунктах. Он только заметил, что пункт о смерти герцога Иоанна его никоим образом не касается. «Итак, я не обязан за него извиняться, — сказал он, — я никогда не давал на неё согласия; и когда я узнал о ней, я испытал великое огорчение, полагая, что эта смерть подвергнет королевство Франции ещё большей опасности, чем прежде».

Граф Дюнуа также был призван принести ту же клятву; он, казалось, колебался мгновение. Однако по приказу брата он также принёс её; затем состоялась церемония обручения.

Восемь дней спустя свадьба была отпразднована с необычайной пышностью. Отовсюду было доставлено множество припасов для толпы, собравшейся в Сент-Омере. Герцог Бургундский с редким великолепием брал на себя расходы своего благородного кузена; давно не видели ничего прекраснее празднеств этой свадьбы. Учтивость Герцога не имела равных по отношению ко всем принцам и сеньорам, присутствовавшим на этих торжествах. Он уговорил лорда Корнуоллиса и английских сеньоров, сопровождавших герцога Орлеанского, остаться на празднества; они повсюду ходили свободно, и с ними обходились не хуже всех прочих. Каждый день устраивались прекрасные турниры, на которых дамы вручали награды; этот род развлечения так всем нравился, что один из них устроили вечером после ужина на маленьких лошадаках в большой зале аббатства Сен-Бертен.

Три дня спустя, в день святого Андрея, герцог решил провести капитул ордена Золотого Руна и заместить пять вакантных мест. Епископ Турнейский и канцлер Бургундский отправились спросить герцога Орлеанского, не будет ли ему угодно принять орден, как того желали Герцог и рыцари. Он ответил, что почтёт за честь носить орден своего кузена. Вскоре после этого он явился в залу капитула, где заседали Герцог и рыцари, облачённые в свои мантии и инсигнии. Сир де Ланнуа вышел ему навстречу. «Монсеньор, — сказал он, — вы видите мон-

сеньора Бургундского и монсеньоров его братьев по ордену Золотого Руна, которые на своём капитуле постановили и заключили, что ради высочайшей славы, доблести и честности, присутствующих вашей благородной особе, они поднесут вам цепь ордена, дабы наивратская любовь, существующая между вами и моим грозным сеньором, могла поддерживаться и длиться тем лучше». Герцог Орлеанский поклонился, и Герцог возложил на него цепь во имя Отца и Сына и Святого Духа; затем гербовый король Золотое Руно облачил его в мантию и капюшон.

Тогда герцог Орлеанский попросил Герцога соблаговолить также надеть цепь его ордена Дикобраза; он вынул из рукава цепь, которую принёс с собой, и возложил её ему на шею. Все присутствовавшие сеньоры радовались столь великому братству между принцами. На том же капитуле цепь Золотого Руна была также послана герцогам Бретонскому и Алансонскому.

Жители Брюгге, зная обо всех этих празднествах и о том, что никогда они не найдут своего государя в более благосклонном расположении духа и более склонным ко всякому сердечному излиянию, выбрали этот момент, чтобы получить полное прощение. Их депутаты прибыли в Сент-Омер и взяли герцога Орлеанского в заступники. Они просили, чтобы Герцог в знак прощения прибыл в их город. Получив эту милость, они возвратились, чтобы приготовиться достойно принять его [24].

Поначалу всё происходило так, как предписывал приговор. Городские власти и тысяча четыреста горожан вышли на одно лье от города встречать своего государя босыми и без шаперонов. Когда он появился, все бросились на колени с молитвенно сложенными руками, крича: «Пощады». Тогда герцог Орлеанский, обе герцогини, все сеньоры умоляли герцога Бургундского простить его доброму городу прежние провинности. Он заставил ещё немного подождать своего ответа, взял ключи от всех ворот, а затем, ласково заговорив со всеми этими горожанами, позволил им пойти обуться и надеть шапероны. При въезде в город стояло всё духовенство крестным ходом, а за ним монахи, монахини и бегинки всех монастырей, с крестом, хоругвями, мощами и самыми красивыми церковными украшениями. Цехи и купцы были верхом, пышно разодетые; на улицах гремели трубы и музыкальные инструменты. Повсюду виднелись богато украшенные подмостки, на которых разыгрывались прекрасные представления. Особо заметили юную девушку, одетую нимфой, которая вела лебедя с цепью Золотого Руна и дикобраза, который, по народному поверью, издалека метал свои иглы, дабы изобразить девиз герцога Орлеанского: «Вблизи и вдали» [25]. Фонтаны изливали вино и другие изысканные напитки. Один богатый горожанин покрыл стены своего дома золотыми листьями, а крышу — серебряными. Словом, никогда на памяти людской город не тратил столько средств, чтобы почтить своего государя. Поэтому вечером Герцог через великого бальи Фландрии приказал вернуть городским властям ключи от города, говоря, что возвращает им своё доверие. При этих словах клики «Ноэль» возобновились ещё громче, и весь город осветился иллюминацией.

На следующий день состоялись турниры, где награду завоевал дамуазо Клевский, которому его дядя, герцог Бургундский, сам пожелал служить оруженосцем; затем был бал, на который он велел пригласить девиц города. Он также принял вместе со всем своим двором обед в ратуше. Чтобы придать этому собранию ещё больше радости, из Гента прибыли граф и графиня Шароле. Прибыл также граф де Линьи, который полностью примирился с Герцогом и, казалось, был весьма расположен к герцогу Орлеанскому.

Наконец, после десяти дней, проведённых во всех этих великих развлечениях, Герцог отбыл в Гент. Там он и расстался с герцогом и герцогиней Орлеанскими. Кorteж этого принца с каждым днём становился всё многочисленнее. Из всех соседних провинций прибывали дворяне просить его взять их в свой дом и к себе на службу; они приводили к нему своих детей, чтобы они служили ему пажами, своих жён и дочерей, дабы составить общество новой герцогине Орлеанской. Каждый воображал, что он будет всемогущ во Франции, что всё управление пойдёт по его воле и что будет весьма выгодно оказаться одним из первых при нём. Герцог Бургундский, без сомнения, также полагал, что герцог Орлеанский завладеет делами

королевства [26]. Они с некоторых пор шли, по его мнению, довольно плохо; он видел врагов в совете короля; к нему не проявляли столько предупредительности и почтения, сколько он того требовал бы. Именно для того, чтобы изменить этот способ правления, он и потрудился над возвращением герцога Орлеанского, женил его на своей племяннице, осыпал знаками дружбы и чести, скрепил всеми средствами их союз. Он даже позволил дворянам своих государств поступать на службу к этому принцу. Он же дал деньги, необходимые для образования этого многолюдного дома; так что, когда они расстались, у герцога Орлеанского были телохранители, лучники и свита более чем в триста лошадей.

В таком окружении он проехал по городам Франции, повсюду принимаемый и чествуемый, словно король. Народ был так несчастен, что искал, на кого возложить надежду на прекращение своих бед. Он тщетно доверялся другим принцам; этот возвращался после двадцати пяти лет отсутствия; ему нельзя было вменить в вину ничего из того, что происходило в королевстве. Его участь долго вызывала сострадание; он имел добрую славу — этого было довольно, чтобы ему оказали хороший приём. Он прибыл в Париж 14 января и был принят там не хуже, чем в других городах. Ему поднесли большие дары; для помощи в уплате его выкупа ввели довольно обременительную талью. Сам же он обещал трудиться для достижения того мира, которого все желали. Ему также были благодарны, хотя это и произошло без его участия, за то, что во время его пребывания один живодёр, бросавший маленьких детей в огонь, когда родители не платили выкупа, был без всякого помилования вздёрнут на виселицу.

Герцог Орлеанский намеревался отправиться оттуда засвидетельствовать своё почтение королю, но случилось то, что люди мудрые предвидели. Король не был доволен тем, что герцог Орлеанский был обязан своей свободой вмешательству Бургундии, а затем первым делом посетил герцога Филиппа, женился на его племяннице, заключил с ним союзы и составил свой дом в значительной части из бургундцев. Весь этот обмен орденами и это рыцарское братство между герцогами Бретонским, Алансонским, Орлеанским и Бургундским, примирение с графом де Линьи внушали ему беспокойство. Лучше было бы, говорили вокруг него, если бы герцог Орлеанский, прибыв из Англии, тотчас же явился засвидетельствовать своё почтение королю, вместо того чтобы медлить так долго и собирать столь большую свиту. Поэтому принцу было отвечено, что король, находившийся тогда в Шампани, примет его охотно одного или с немногими слугами, но отнюдь не в столь многочисленном cortege. Герцог Орлеанский, недовольный этим ответом, удалился в свою сеньорию Орлеан и продолжал искать способы увеличить своё могущество.

Король, после окончания Прагерии, вернулся в Бурж, дабы заняться делами церкви, для которых собралось духовенство. Он по-прежнему был в намерениях един с собором, не желая, однако, отходить от повиновения папе Евгению, ни признавать избрание герцога Амедея Савойского, которого собор избрал в его убежище в Рипайе, чтобы провозгласить его папой под именем Феликса V.

Тем временем коннетабль пытался добиться снятия осады с Арфлёра; но англичане так хорошо укрепились в своём лагере, что напасть на них было невозможно. Город сдался. Дела короля шли в это время так плохо, что армия, посланная им в Нормандию и не находившая средств к существованию в этой разорённой стране, была вынуждена, чтобы вернуться в провинции, ему подвластные, подняться до самой Соммы. Понтуаэ, Мант, Крей и даже Сен-Жермен-ан-Ле находились во власти англичан. Коннетабль, по возвращении в Париж, всё же сумел отбить этот последний город, а король, продвинувшийся до Шартра, подал помощь Лувье, который англичане держали в осаде.

Ничто, однако, не могло принести ему прочного успеха, пока он не наведёт хоть какой-то порядок в королевстве. Он и его совет сильно того желали; но для этого требовались время и усилия. А пока народ роптал [27]; люди воображали, что никто нисколько не заботится облегчить их участь, и видели, что сеньоры заняты лишь своими раздорами. «Они умеют только

бежать перед англичанами, — говорили бедняки, — и не смогли даже спасти Арфлёр. Короля окружают одни разбойники; они составляют его общество. Потому и говорят нашим купцам, когда они ездят торговать в чужие страны, что наше королевство — сточная канава, куда стекаются разбойники со всего христианского мира».

Особенно ужасающими были опустошения близ границ Бургундии, Шампани и Лотарингии [28]. Король отправился туда с коннетаблем; он принудил графа де Водемона и герцога де Бара заключить мир. Дамуазо де Коммерси явился к нему с извинениями и сдался на его милость. Бастард де Вержи, сир де Серволь, бургундские капитаны, были изгнаны из занимаемых ими крепостей. Что сделало власть короля особенно грозной для всех этих главарей, так это суровость, проявленная им в отношении Александра, бастарда Бурбонского; он совершал ужасные злодеяния. Один бедняк пришёл пожаловаться королю, что этот капитан живодёр, в недостойную насмешку, совершил насилие над его женой на сундуке, в который он его запер; а затем его самого приказал избить и истерзать тысячью ударов. Король, сверх того, помнил, что именно бастард Бурбонский увёз Дофина в Ниор; он знал, что совсем недавно тот ездил к герцогу Бургундскому, чтобы завязать какие-то сношения между этим принцем и герцогом Бурбонским. Суд над ним был учинён прево маршалов Франции; его зашили в мешок и бросили в реку в Бар-сюр-Сен.

Король провёл около трёх месяцев в этих краях, ставя добрых и мудрых бальи в города и крепости, формируя отряды воинов, издавая новые указы, чтобы им точно платили жалованье и держали их в строгой дисциплине. Он пожелал также не оставлять долее дом Люксембургов безнаказанно действовать против королевства. Граф де Линьи только что скончался бездетным; его наследство перешло к его племяннику Людовику, графу де Сен-Поль, чьи люди безо всякого стеснения захватили обоз с артиллерией и боеприпасами, который король велел доставить из своего города Турне. Король обосновался в Лане и послал Ла Гира, Антуана де Шабана, Жоашена Роо и других своих капитанов осаждать Мари-Монтегю и несколько крепостей графа де Сен-Поль.

Этот сеньор, видя, что он не будет ни признан, ни поддержан герцогом Бургундским, и не имея сил сопротивляться, решился на переговоры. Он явился в Лан со вдовствующей графиней де Линьи, заключил свой договор, принёс оммаж за сеньории, зависевшие от королевства, поклялся в полном и всецелом повиновении королю, своему естественному и суверенному государю, прибег к юрисдикции Парламента для разрешения некоторых споров, возникших при наследовании его дяди, и обязался возвратить артиллерию и повозки, недавно захваченные его людьми.

Так власть короля восстанавливалась день ото дня. К нему непрестанно прибывали сеньоры, поступавшие к нему на службу, и он удерживал их для войны, которую вскоре собирался начать с большей силой против англичан. Дворянство Франции, уменьшившееся и как бы уничтоженное в битвах при Азенкуре и Вернёе, вновь становилось сильным и многочисленным. Все эти сироты, оставленные отцами в малолетстве, когда те погибли от рук англичан, теперь оказывались доблестными мужами и добрыми воинами, которые только и думали о том, чтобы отомстить за своих родичей и за королевство [29]. Но королю стоило чрезвычайного труда обуздывать военных, у которых была столь давняя привычка к беспорядку. Даже у него на глазах полтораэта негодяев из его свиты выступили в поход и отправились грабить в Эно; сир де Круа и люди графа де Сен-Поль почти полностью их истребили.

Пока король был в Лане, он принял визит герцогини Бургундской. Она прибыла со своей обычной пышностью [30]. Её деверь коннетабль выехал ей навстречу и проводил её к королю, который оказал ей приём, полный учтивости. Она приехала жаловаться на то, что многие статьи Аррасского договора оставались без исполнения. Ей также было поручено изложить обиды герцога Орлеанского. Несмотря на оказанные ей почести, она хорошо видела, что совет короля настроен к ней неблагоприятно. Пробыв там некоторое время, она отправилась проститься с

королём. «Монсеньор, — сказала она, — благодарю вас за почести и добрый приём, которые мне были оказаны; но из всех просьб, которые я вам представила, ни одна не была мне дарована; между тем, по моему разумению, они были разумны. — Сестра моя, — мягко ответил король, — мне досадно, что я не могу поступить иначе; но мы говорили об этом обстоятельно в нашем совете, и нам показалось, что мы потерпели бы большой ущерб, удовлетворяя такие просьбы». Коннетабль проводил её обратно, и она вернулась в Кенуа, где её ожидал Герцог. По дороге бродяги из партии короля, рыскавшие по стране, напали на её свиту; некоторых схватили и отрубили им головы.

Герцог всё более замечал, что он не в добром согласии с советом Франции. Герцогиня рассказала ему обо всём, что видела в Лане, кем управляется король и как плохо её выслушали. Сеньоры, бывшие с ней в этой поездке, также остались недовольны речами, которые они слышали, и тем, какой им был оказан приём. Они возвращались менее добрыми французами, чем когда уезжали. Герцог решил принять меры предосторожности: собрать своих воинов, снабдить свои крепости, обезопасить свои границы. Однако он желал только мира и вёл себя благоразумно. Канцлер Франции и главные лица в совете короля также не хотели войны и остереглись бы её провоцировать. Друг друга не любили, и доверия было мало; но друг друга опасались и жили с предосторожностями.

Король покинул Лан, чтобы осадить Крей [31]. У него была прекрасная армия, многочисленная артиллерия. Коннетабль и сир де Сентрайль были посланы в Париж, чтобы раздобыть там денег и собрать работников для рытья траншей. В Париже тогда было множество бедных пахарей, бежавших из соседних областей. В день Вознесения у дверей церкви поставили сержантов, и по мере того, как эти несчастные крестьяне выходили, на них налагали руку, чтобы отправить их в лагерь. Народ находил это жестоким и тираническим; но тех, кто осмеливался говорить об этом чуть громче, немедленно сажали в тюрьму. К счастью, в тот самый момент, когда около трёхсот этих бедняг собирались отправить в путь, пришла весть, что англичане из гарнизона Крейля договорились о сдаче. Это вызвало великую радость в Париже; звонили во все колокола, зажгли огни и танцевали всю ночь.

Тем не менее, талью продолжали собирать быстро и с суровостью; и так как её не хватало, членов Парламента и всех королевских чиновников принуждали давать взаймы крупные суммы. Дофин, а затем и сам король прибыли в Париж, чтобы ускорить поступление всех этих денег. Забирали даже деньги братств, так что их пожертвования сильно уменьшились; вместо торжественных месс служили тихие, и почти не зажигали свечей.

Все эти деньги предназначались для осады Понтуаза [32]. Дабы поддерживать добрый порядок среди военных, им хотели платить жалованье точно. Однако, даже имея все эти деньги, не могли выплатить им всего, что им причиталось. Это был вполне достаточный предлог, чтобы помешать столь грубым людям подчиниться дисциплине. Поэтому народ был обложен подавтами больше, чем когда-либо, не будучи в состоянии убедить себя, что это на что-то годится. Однако, когда король, пребывая в Париже или в окрестностях, стал немного более известен, он был так мягок в своей речи и в своём обхождении, что на него роптали меньше; только казалось, что совет управляет им полностью и держит его в опеке, как ребёнка.

К несчастью, осада Понтуаза длилась долго. Никогда у короля не было такой прекрасной армии; к нему со всех сторон прибывали дворяне и ополчения добрых городов; парижское ополчение было в весьма хорошем состоянии. Вскоре увидели прибытие Людовика Люксембургского, графа де Сен-Поль, с шестью сотнями воинов, а также сиров де Майи, д'Ангьен, де Пуа, де Бегюн, де Круа. Вскоре после этого граф де Водемон также привёл сто двадцать латников. Что до служителей короля, то с ним были самые великие и самые прославленные: коннетабль, маршал де Лозак, сир де Кюлан, который был сделан маршалом во время осады; адмирал де Коэтиви, сир де Гравиль, великий магистр арбалетчиков. Герцог Алансонский, герцог Бурбонский, герцог Орлеанский и его брат граф де Дюнуа там не находились; но Дофин,

граф дю Мэн и граф д'Э там были. Там насчитывалось множество крупных сеньоров: граф де Ла Марш, граф д'Альбре, графы де Жуаньи, де Танкарвиль, де Шатийон, де Бей; а также все самые знаменитые капитаны: Ла Гир, Сентрайль, Вальперга, Бланшфор, Брюссак, Жоашен Роо, Лонгваль, Жиль де Сен-Симон, Антуан де Шабан, Ла Сюз, Пенезак, Шарль де Флави, Флоке и многие другие. Король Франции на сей раз представал во всём своём блеске и всём своём могуществе.

Он прибыл к Понтуазу по дороге из Сен-Дени. Коннетабль, маршал де Кюлан, Ла Гир, Сентрайль начали с того, что захватили первый бастион, расположенный перед мостом, на левом берегу Уазы, и вынудили англичан запереться в городе. Неподалёку находилось аббатство Мобюиссон; там и разместилась ставка короля. Напротив моста была установлена значительная артиллерия, защищённая земляными валами, спешно возведёнными работниками. Коннетабль защищал эти пушки и бомбарды от вражеских вылазок, лично начальствуя над стражей из двух тысяч воинов.

Когда подступы на левом берегу были, таким образом, хорошо оборудованы, немного ниже города был наведён большой понтонный мост, укреплённый на обоих концах. Овладели аббатством Сен-Мартен на правом берегу, близ городских стен; оно также было укреплено, а неподалёку выстроили большую бастилию. Граф дю Мэн и адмирал де Коэтиви разместились с этой стороны. Оба лагеря свободно сообщались между собой; они были защищены от нападений. Продовольствие доставлялось из Парижа на лодках по Сене, а затем вверх по Уазе до аббатства Сен-Мартен, или же прибывало из Сен-Дени на телегах.

Лорд Клиффорд командовал гарнизоном англичан и, казалось, был полон решимости доблестно защищаться. Герцог Йоркский, находившийся тогда в Руане, не замедлил прислать ему подмогу. Лорд Тальбот прибыл через Маньи и предстал во главе четырёх тысяч воинов перед аббатством Сен-Мартен, вызывая на битву. Французская армия была вдвое многочисленнее; мнение коннетабля, при всей его осмотрительности, было принять бой; он находил случай превосходным и хотел им воспользоваться. Совет короля побоялся рисковать всем достоинством королевства; память о Пуатье и Азенкуре всегда была жива. Король даже прямо запретил кому-либо переходить с левого берега на правый, и для пущей предосторожности приказал охранять переправу по мосту; коннетаблю он лишь с трудом позволил прибыть в лагерь Сен-Мартен вместе с ним и Дофином. Обе армии простояли друг против друга некоторое время. Ла Гир, Жоашен Роо и другие вели жаркие стычки; но, по твёрдой воле короля, битвы не произошло. Тогда англичане, оставив своих лучников перед французами, перешли маленькую речку Вьорну, впадающую в Уазу у самого Понтуаза, и, оставив её, таким образом, между неприятелем и собой, беспрепятственно вошли в город. Лорд Тальбот доставил туда продовольствие, вывел уставших и больных, усилил гарнизон, оставил в нём лорда Скейлза и лорда Фальконбриджа; два дня спустя он вернулся в Мант.

Король хорошо видел, что надлежит полностью окружить город и построить мощную бастилию с траншеями между левым берегом Вьорны и Уазой, чтобы блокировать эту часть ограды. Он приказал Гийому де Флави, капитану Компьеня, нарубить нужного леса в лесах и сплавить его вниз по реке. Прежде чем эти работы были завершены, лорд Тальбот явился во второй раз, проник в город снова без помех и опять снабдил его припасами. Король огорчился, видя, что осада его вовсе не продвигается; расходы были огромны; парижане роптали; эта прекрасная армия начинала падать духом. Англичане из гарнизона торжествовали и насмехались над французами. Они даже прислали им балладу, полную насмешек.

Вы храбрецами притворяетесь,
Кажется, будто вы всё завоевали;
Вы зовёте себя добрыми бойцами,
С того часа, как родились [33].
Слишком громкие речи вы ведёте,

И говорите и вечером, и утром;
Кажется, будто вы вечно должны
Сражаться с Аморабакином.
Однако ж вы устроили привал
В ограде монастыря;
Хорошо видно, что вы весьма боязливы.
Никогда вы не были столь удачливы,
Чтобы выйти к нам в поле сражаться.
Великую гордыню хорошо сбивать.
С вами их более трёх,
Кто хорошо притворяется верными.
Те, кто побывал дважды
В обеих партиях, — хороши их дела!
Пусть будут повешены на ветру их шкуры,
Дабы показать миру пример;
Измена Богу угодной быть не может.
Дольше не медлите,
Бегите скорей и уносите ноги.

Французы не остались в долгу в этом поединке насмешек и тоже прислали гарнизону свою балладу. Они много издевались над хорошим аппетитом англичан и над нехваткой у них продовольствия; они отсылали их пить пиво, которым те были вскормлены. Затем, отвечая на упрёки в измене:

Все уроженцы Нормандии,
Которые вашу сторону держали,
Изменники, в том не сомневаюсь ничуть,
Как знатные, так и простые.
Но король сюда прибыл,
Дабы всё образумить;
Ибо Бог не любит измены.
Вашу великую гордыню мы собьём
И шкуру вам натрём хорошенько,
К приходу герцога Йоркского.
Возвращайтесь к северному ветру
И не говорите больше о сраженьи.
Пусть лихорадка вас сразит!
Думаю, что вам духу не хватает,
Когда вы помышляете, что от приступа
Вы будете взяты вечером или утром.
Лучше всего убираться тотчас
И не мешкать здесь долее;
Или перекреститесь правой рукой,
Ибо на виселице мастерски
Вы пропляшете, как я полагаю.
Пора вам дать отчёт.

Герцог Йоркский в самом деле собирал в Руане большую армию и продвигался к Понтуазу. Он вошёл туда через ворота, расположенные между Вьорной и Узой, перед которыми ещё не было бастилии, и приготовился не только снабдить город припасами, но и перейти на левый берег, чтобы снять осаду.

Когда король увидел это, он поручил коннетаблю охрану лагеря; графу де Ла Марш — переправы через реку от города до Сены; графу де Сен-Поль — от Понтуаза до Лиль-Адана; графу д'Э — от Лиль-Адана до Крейля. Именно там Уазу было легче всего перейти. Туда поставили лучших воинов: Ла Гира, Сентрайля, Шабана, Гийома Дюшателя, Флоке.

Англичане предприняли ложную атаку напротив Бомона; тем временем несколько их людей с великой дерзостью переправились в маленькой лодке, устроили плот на бочках и с помощью каната переправили довольно сильный отряд. Он тотчас же возвёл свой вал из заострённых кольев. Французы подоспели; было слишком поздно; Гийом Дюшатель, племянник Танегюи, пал, выказав великую доблесть. Все усилия были теперь тщетны; англичане удерживали оба берега.

Приходилось думать о защите Сен-Дени и подступов к Парижу, а следовательно, разделить силы осады. Было признано, что лагерь Сен-Мартен важнее сохранить, чем лагерь Мобюиссон, и решено было покинуть последний. Король был в отчаянии; он пожелал остаться последним, хотя это было и неблагоприятно; но он чувствовал потребность показать себя доблестным. Обеспечив безопасность лагеря Сен-Мартен, он отправился в Пуасси, дабы следить за подвозом продовольствия. Коннетабль поехал в Париж, чтобы раздобыть там новые средства. Всё казалось отчаянным; англичане рассеялись по правому берегу и удерживали местность вокруг Понтуаза, кроме лагеря Сен-Мартен. Герцог Йоркский появился перед Пуасси, вызывая на битву; её остереглись принять. Произошло лишь несколько славных ратных подвигов между двумя армиями.

Эта предосторожность была мудрой; англичанам не хватало продовольствия. Герцог Йоркский вернулся в Нормандию. Но лорд Тальбот держался в поле; он беспрестанно приходил на помощь и снабжал припасами Понтуаз. Французы были недостаточно сильны, чтобы помешать ему. Однажды король едва покинул Пуасси, чтобы приблизиться к осаде и направиться в Конфлан, к месту, где Уаза впадает в Сену, как англичане явились грабить город и аббатство Нотр-Дам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.